

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ДНЕВНИКА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

В системе иерархии литературных жанров дневник занимает «пограничное» положение, наряду с мемуарами, записными книжками, письмами, альбомами. Если использовать терминологию современных исследователей, все перечисленные источники – это фактографическая проза, или «пред-текст», или non-fiction, так как они «обращены более к жизни, чем к вымыслу, и, скорее, просто к быту, чем к воображению и фантазии» (10 : 133). В литературоведении в отношении дневников, записных книжек, писем, мемуаров используется традиционный термин – внелитературные жанры, четко определяющий границу между литературой и всем тем материалом, который полностью не отвечает критериям художественности.

Среди внелитературных жанров главенствующее место вполне заслуженно занимает дневник. Привлекательность этой формы организации материала бесспорна для ученых разных областей науки. Что касается филологии, то здесь, к сожалению, приходится говорить о недостаточном внимании исследователей к самому дневнику как факту культуры. По справедливому замечанию Н. А. Богомолова, «в наиболее традиционных изводах литературоведения дневники и записные книжки рассматриваются всего лишь как свод документальных свидетельств об отношении автора к тем или иным событиям. Вопрос об их художественной функции даже не ставится...» (2 : 202). Сходное мнение по поводу незаслуженно одностороннего отношения к жанру дневника высказывает и О. Егоров: «К дневнику относились исключительно как к вспомогательному материалу и закрепили за ним сомнительное в научном отношении определение литературных мемуаров» (5 : 68). Действительно, основания для подобных претензий имеются. Так, исследуя мемуарную литературу, Т. Колядич приходит к выводу, что «мемуары и дневник выступают как равноправные разновидности мемуарного жанра» (8 : 24), хотя и допускает, что «современное развитие дневника позволяет считать его значимой и в ряде случаев даже самостоятельной художественной формой» (8 : 24). Надо признать, что в последнее время интерес ученых к жанру дневника значительно возрос. «Литературоведческая мысль вплотную подошла к осмыслению дневника как научной проблемы» (6 : 14).

Предмет нашего рассмотрения – дневник как факт русской культуры начала XX века, особенности его бытования, функциональное назначение в контексте историко-литературных процессов. В русской культуре начала XX века дневник занимал особое место уже потому, что стремлением вести дневник были «охвачены» не только «приближенные» к искусству, но и те люди, которые по роду своей профессии были весьма от него далеки. Помимо дневников и дневниковых записей, которые вели известные личности – А. Блок, В. Брюсов, М. Кузмин, М. Волошин, И. Бунин, З. Гиппиус, имелись и другие, принадлежавшие людям «обык-

новенным», но таким же свидетелям эпохи, как и их знаменитые современники. В 2006 году издан дневник Веры Судейкиной, жены художника Сергея Судейкина, а в 2008 году опубликован дневник Ф. Ф. Фидлера, педагога, переводчика и коллекционера, «Из мира литераторов: характеры и суждения». Большой востребованностью у литературоведов, историков, культурологов, религиоведов пользуется рукописный дневник С. П. Каблукова (секретаря Петербургского религиозно-философского общества, учителя математики по профессии), который он вел с 1909 года вплоть до самой смерти в 1919 году. Используется же дневник С. П. Каблукова традиционно – как «свод документальных свидетельств» и «справок» и как источник информации о том или ином историческом лице.

Начало XX века можно без преувеличения назвать «временем дневников»: они пишутся, читаются перед широкой аудиторией, обсуждаются, как художественные произведения, публикуются (дневники М. Кузмина, 1922). Казалось бы, это обстоятельство – выносить сокровенное на широкое обсуждение – противоречит самому жанру дневника, который подразумевает интимность, конфиденциальность, а потому и не укладывается в традиционные рамки, т. е. дневник перестаёт быть дневником. Но в начале XX века никакого противоречия здесь не наблюдается, так как дневник живет и развивается в соответствии с законами времени, особенностями эпохи. И одной из таких особенностей был коллективный, а не индивидуальный, изолированный поиск новых форм жизни, новой культуры, новой духовности. Показатель этого – наличие всевозможных литературно-художественных обществ, салонов, собраний, «частных кружков»: «пятницы» Случевского, «воскресенья» Розанова, собрания на «башне» Вяч. Иванова и т. д. Известно, что М. Кузмин читал свой дневник аудитории «посвященных» (об этом писал Н. А. Богомолов), и он воспринимался как художественное произведение (2 : 206).

Зинаида Николаевна Гиппиус вела дневник на протяжении всей жизни. Наряду с художественным творчеством и общественной деятельностью, дневник был для нее одной из форм самореализации. В зависимости от жизненных обстоятельств, личностных и психологических факторов менялась структура дневника, форма самовыражения, стиль изложения, но неизменным оставалось одно – вполне определенная целевая установка, которая соответствовала отдельному этапу ее жизненного и творческого пути. Поэтому у читателя сразу создается впечатление, что дневник Зинаиды Гиппиус с самого начала предназначался для публикации.

Для подтверждения своих выводов обратимся к самому первому из известных ее дневников – «Contes d'amour» («Дневник любовных историй») (1893 – 1904). Есть смысл представить его предысторию... В 1889 году Зинаида Гиппиус выходит замуж за Дмитрия Мережковского, и в этом же году он вводит ее в круг петербургской литературной элиты. Но Зинаида Николаевна недолго оставалась всего лишь женой известного писателя и его «протеже». Неписанный закон эпохи требовал от художника «творимой легенды», а не прозаической биографии. И, принимая правила игры, Гиппиус начала конструировать свой внешний и внутренний образ соответственно декадентско-модернистским установкам. Причем артистическая, игровая природа ее души так естественно «наложилась» на «потребности» времени, что за достаточно непродолжительный период она превратилась из провинциальной девочки-«ломаки», покорительницы сердец

тифлисских гимназистов, в самую необыкновенную женщину Петербурга – «Зинаиду Прекрасную», «декадентскую мадонну», «Сильфиду». Добавим, что стремление «играть», «выдумывать себя» не оставит Гиппиус на протяжении многих лет. Поэтому, несмотря на то что дневник по своей сути подразумевает предельную искренность и правдивость пишущего, у Гиппиус «Дневник любовных историй» был частью ее «игры», важной составляющей её личного мифотворчества.

Зинаида Гиппиус начала вести свой дневник 19 февраля 1893 года, в возрасте двадцати трех лет. Она сразу же обозначает цель – для чего ей нужно писать этот «специальный дневник»: «Так я запуталась и так беспомощна, что меня тянет к перу, хочется оправдать себя или хоть объяснить себе, что это такое?» (4 : 35). Здесь явно прочитывается установка на самоанализ, рефлексивность, с помощью которых возможно оправдать свои поступки и мысли. С первых страниц возникает образ нервной, издерганной женщины, «беспредельно слабой», одинокой, но и в то же время женщины – покорительницы мужских сердец. Обращает на себя внимание тот факт, что выражение рефлексии, причем крайне сильной, даже преувеличенной, в дневнике Гиппиус соседствует с признаниями такого плана: «Слишком изолгалась, разыгрывая Мадонну...» (4 : 37). Особенно показательна сцена объяснения с Червинским (запись от 20 сентября): «Я сделалась кротка и печальна. <...> Мне нравилась моя роль – *resignee* (покорной). Не знаю, где кончалась искренность и начиналась ложь» (4 : 47). Возникает образ, вполне соответствующий декадентским установкам времени, образ, который впоследствии так точно представил А. Л. Волынский (кстати, один из фигурантов «Дневника») в своих воспоминаниях о Зинаиде Гиппиус «Сильфида»: «В иных делах ее нельзя было отличить действительной жизни от игры фантазии. Она умела писать чужими почерками разные письма разным людям, в том числе и своему мужу <...>» (3 : 262). Подобные «экстравагантности» поведения Зинаиды Гиппиус Волынский объясняет особенностями времени. Называя ее «настоящей декаденткой тех замечательных дней», «невывуемой», «плоть от плоти эпохи», он продолжает: «...и самая исковерканность, даже играющая лживость входили в подлинный облик конца века, как симуляция входит в состав симптомов истероэпилепсии. <...> В этой эпохе глубочайших переломов паталогия и не может отсутствовать: новый свет проникает в общество сквозь щели разорванной и раздвоенной личности» (3 : 262–263). Ранний дневник Гиппиус отражает процесс формирования «настоящей декадентки», для которой вымысел и действительность, игра и реальность сливаются в неразрывное единство. Но это всего лишь одна его составляющая.

Было бы ошибочным сводить содержание дневника Гиппиус к истории ее взаимоотношений с многочисленными поклонниками, хотя на это недвусмысленно указывает название самого дневника. Действительно, на его страницах возникает образ роковой женщины, которая играет чувствами мужчин, наслаждаясь своими победами над ними: Минский, Червинский, Волынский, молодые профессора Духовной Академии Карташев и Успенский... О. Матич в этой связи сравнивает Гиппиус с Клеопатрой, роль которой, возможно, Гиппиус и «примеривала» на себя (9 : 179). Следующий аспект ее дневника с «игрой» как таковой не связан, его содержание можно рассматривать совсем в другом ключе, используя выражение А. Волынского, в «новом свете». Таким «новым светом» для Гиппиус стала ее

метафизическая теория любви, которая начала складываться именно на страницах ее первого известного нам дневника. Обращает на себя внимание боязнь автора стать такой, «как все», «признать себя обыкновенной женщиной»: «Около этой мысли – какой сонм страхов, презрений, привычек...» (4 : 60). Среди всех своих многочисленных поклонников она ищет того, кто бы мог воплотить ее мечты о «чудесной», «божественной» любви, «чистой», «без *определенных* желаний». Вот запись от 23 февраля: «Да, верю в любовь, как в силу великую, как в чудо земли. Верю, но знаю, что чуда нет и не будет. <...> Я люблю Дмитрия Сергеевича, его одного. И он меня любит, но как любят здоровье и жизнь.

А я хочу... Я даже определить словами моего чуда не могу» (4 : 41).

Здесь же, в записи от 19 марта, появляется ее знаменитое стихотворение «Песня»: «Мне нужно того, чего нет на свете...» (4 : 44). И это не просто стенания пресыщенной жизнью «декадентки». В этом, на первый взгляд абсурдном желании, выражена одна из основных философско-художественных проблем эпохи – проблема любви и пола, «примирения» духа и плоти, создания нового человека, призванного одержать победу над смертью посредством божественной, преобразующей силы любви. По словам Н. А. Бердяева, «XX век обозначил радикальное изменение человеческого сознания в отношении к полу» (1 : 395). Подтверждение тому – философские труды В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова. Метафизика любви З. Н. Гиппиус будет формироваться на протяжении всей жизни, и практической реализацией этого жизнетворческого проекта будет создание «тройственных союзов», которые в идеале должны созидать «божественную любовь» как высшую форму любви. «Если рассмотреть это переплетение любовных страстей в контексте позднейших идеологических воззрений Гиппиус, – замечает О. Матич, – то в них можно увидеть ранние эксперименты по построению коллективного тела – а этот проект занимал центральное место в жизнетворчестве символистов с момента выхода “Смысла любви” Соловьева» (9 : 189). Исследовательница даже сравнивает Гиппиус с «ее литературной предшественницей» Настасьей Филипповной: так же, как и она, «Гиппиус искала своего князя Мышкина, который любил бы ее высшей духовной любовью...» (9 : 197).

Ранний дневник Гиппиус представляет интерес и в аспекте её практического жизнетворчества. Именно здесь фиксируются её попытки формирования «тройственных союзов» и появляется претендент на роль князя Мышкина – Д. В. Философов, которому Гиппиус даже пыталась отдать свой дневник для прочтения. На страницах дневника осуществляется «шлифовка» актуальных для неё идеологем на личностном уровне. Таким образом, есть основания говорить о полифункциональности раннего дневника З. Н. Гиппиус.

Среди «классических» дневников, созданных не-литераторами, исключительно интересным представляется дневник Сергея Платоновича Каблукова, о котором упоминалось выше. На вопрос, что побудило его взяться за писание дневника, можно ответить лишь предположительно, так как самая первая часть дневника не сохранилась. Скорее всего, причину надо искать в общественной деятельности С. П. Каблукова и его окружении. В 1908 году он знакомится с В. В. Розановым (Каблуков пишет о дружбе с ним с конца 1908 года). Возможно, Розанов и пригласил Сергея Платоновича, как человека православного и интересующегося вопро-

сами религии, в Религиозно-философское общество, где он познакомился со многими выдающимися людьми своего времени: Д. Мережковским, З. Гиппиус, Д. Filosoфовым, Вяч. Ивановым, А. Карташевым, с некоторыми из них Каблуков на протяжении длительного времени поддерживал теплые, дружеские отношения. А. А. Ермичѳв называет дневник С. П. Каблукова «исключительным по значению документом жизни петербургского интеллигента начала XX века» (7 : 258). Человек умный, наблюдательный, взыскующий, Сергей Платонович в полной мере сознавал всю значимость происходящих событий, непосредственным свидетелем которых он являлся, всю значительность людей, окружавших его. Себя он оценивал как человека вполне ординарного, и это неоднократно подтверждается на страницах дневника. Например, в самом конце записи от 7 марта Каблуков добавляет: «Как “куръѳз” упомяну здесь, что на собрании у Вяч. Иванова В. – В. Розанов предложил меня в председатели секции, ссылаясь на мою энергию и осведомленность. Это предложение не могло быть принято, прежде всего, мною самим и потому было отклонено» (11 : Ед. хр. 3. Л. 83). Однако уже 12 марта С. П. Каблукова избирают действительным членом Религиозно-философского общества и секретарем секции по изучению вопросов истории философии и мистики христианства, а вскоре – секретарѳм Общества. 22 сентября Д. С. Мережковский предлагает кандидатуру С. П. Каблукова на избрание председателем Общества – и запись в дневнике: «Мой отказ от этой должности вследствие собственной незначительности и полной неизвестности» (11 : Ед. хр. 6. Л. 217). Но секретарем Религиозно-философского общества Сергей Платонович будет достаточно долго: с 29 ноября 1909 года по 26 января 1913. Главная цель его дневника (наряду с прочими) – фиксация того типа мироощущения, которое было характерно для всего образованного и либерально настроенного русского общества начала XX века. По дневнику можно судить о ценностных ориентирах, политических пристрастиях, общественных устремлениях русской культурной элиты. Общее настроение – ненависть к царскому режиму, лично к царю, его семье и его окружению передано достаточно полно. Проиллюстрируем это примером из дневника. 14 апреля 1909 год под заголовком «Редкий пример порядочности» Каблуков пишет: «Композитор Н. А. Римский-Корсаков (передаю со слов его сына Андрея Ник<олаеви>ча) на представлении какой-то из его опер в Париже в присутствии В<еликой> Кн<ягини> Марии Павловны, отказался принять приглашение этой особы посетить еѳ ложу для выслушивания комплиментов и “Высочайшего одобрения”» (11 : Ед. хр. 4. Л. 10–11).

Интересен и другой аспект дневника – отражение в нем кризисного состояния русской православной Церкви. Показателен тот факт, что С. П. Каблуков, человек православный, глубоко верующий и без веры себя не мыслящий, попадает под обаяние сторонников «нового религиозного сознания». Он так же, как и они, негативно относится к существующей официальной церкви, принимает самое активное участие в обсуждении вопросов о еѳ реформировании, поддерживает «церковников-обновленцев». «Религия» и «революция» становятся для него чуть ли не тождественными понятиями. Но в то же время дневник отражает и его сомнения относительно правоты убеждений своих друзей и единомышленников. Вот, например, запись от 11 мая 1909 года: «Вчера вечером у меня был Антон

Владимирович Карташёв, профессор Высших Женских Курсов по кафедре истории церкви. <...> От него я узнал многое о Мережковских. Между прочим и то, что они, особенно Зинаида Николаевна, относятся к обрядам довольно отрицательно» (11 : Ед. хр. 4. Л. 110, 112). 18 мая Каблуков опять возвращается к разговору об обряде: «Но даже дорогие мне Мережковские чужды этого понимания и холодны к церковно богослужебной эстетике, <...> “Кафолик” Вяч. Иванов <...> относится к русскому богослужению с любовью, но платонически. Любит изда-лека...» (11 : Ед. хр. 4. Л. 134–135).

С. П. Каблуков называет свой дневник «интимным», «в котором более уместна оценка субъективная» (запись от 3 июля), но вот как раз «интимных», сокровенных мыслей в дневнике практически нет. Собой Каблуков как будто не интересуется, о себе пишет довольно скупое, чаще всего в связи с другими людьми. Из дневника можно узнать, что на определённом этапе С. П. Каблуков делился своими сокровенными мыслями и переживаниями с З. Н. Гиппиус. Однако их содержание передают не дневниковые записи, а выдержки из писем (или вложенные письма) Зинаиды Николаевны. Сведения о личной жизни С. П. Каблукова также крайне редки. Например, из дневника за 1909 год можно узнать, что он противник института брака. А подводя 31 декабря итоги минувшего года, он вдруг упомянет о «невольном и неожиданном разрыве с Талей («перестал ездить к ней ещё с 10 ноября»). Вместе с тем за весь 1909 год «Таля» не упомянута ни единым словом! Среди всех дневников С. П. Каблукова, пожалуй, самый «откровенный» и эмоциональный тот, что посвящен событиям 1917 года, когда «десять месяцев русской революции» заставили автора радикально изменить свои убеждения. Но это уже дневник общественно-политический, во многом отличный от «обыкновенного» и заслуживающий отдельного разговора.

Для З. Н. Гиппиус дневник являлся средством социокультурной адаптации. И, судя по всему, очень действенным, позволившим ей сформировать себя в соответствии с актуальными культурологическими идеологемами и мифологемами эпохи. С. П. Каблуков был человеком обыкновенным, не претендовавшим на исключительность или особую значимость. Для него, глубоко верующего христианина, вполне естественно было проникнуться осознанием миссии летописца, фиксирующего «исключительные» события, впечатления от общения с «исключительными» людьми. Мы имеем дело с принципиально различными авторскими установками, реализация которых закономерно порождает разнородные литературные явления. Однако если оценивать эти явления с позиций адекватного свидетельства об эпохе, то сомневаться в их равноценности не приходится.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека // *Философия любви*: в 2 т. М., 1990.
2. Богомолов Н. А. Дневники в русской культуре начала XX века // Богомолов Н. А. *Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания*. Томск, 1999.
3. *Вольнский А. Л. Сильфида // Минувшее. Исторический альманах*. Вып. 17. М.; СПб., 1995.
4. *Гиппиус З. Н. Дневники*: в 2 кн. Кн. 1. М., 1999.
5. *Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века. Исследование*. М., 2002.

6. *Егоров О. Г.* Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. Исследование. М., 2003.
7. *Ермичёв А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907 – 1917). Хроника заседаний. СПб., 2007.
8. *Колядич Т. М.* Воспоминания писателей. Проблемы поэтики жанра. М., 1998.
9. *Матич О.* Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siecle в России. М., 2008.
10. *Михеев М. Ю.* Фактографическая проза, или пред-текст. Дневники, записные книжки, «обыденная» литература // Человек. 2004. № 2.
11. ОР РНБ. Ф. 322.

А. С. Литовченко

Ивановский государственный университет

«ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ» И ЕЕ ФРАНЦУЗСКИЙ АНАЛОГ В КНИГЕ М. ВОЛОШИНА «ЛИКИ ТВОРЧЕСТВА»

Сборник критико-эссеистских статей М. А. Волошина «Лики творчества», вышедший в 1914 году, занимает видное место в литературной эпохе Серебряного века. Одной из особенностей ее разностороннего содержания является пристальное внимание автора к французской литературной культуре, которую Волошин хорошо знал, так как несколько лет прожил и проработал в Париже (6).

Одним из французских авторов, привлекающих особое внимание Волошина-критика, является Огюст Вилье де Лиль-Адан (Jean-Marie-Matthieu-Philippe-Auguste Villiers de l'Isle Adam) (1838 – 1889) – французский писатель, потомок одного из древних аристократических родов, известный в свое время как автор романов, драм и многочисленных новелл (2, 8, 9, 10). Волошин посвящает его творчеству отдельную статью под названием «Апофеоз мечты», в центре которой драматическая поэма-трагедия Вилье де Лиль-Адана «Аксель». Волошину принадлежит один из лучших ее переводов, и не удивительно, что он дает ей высокую оценку. Особенно интересным выглядит здесь сопоставление этого произведения с романом Достоевского «Братья Карамазовы», а именно с «Легендой о великом инквизиторе». Обращение к гению Достоевского в «Апофеозе мечты» выглядит не только оправданным, но и глубоким по смысловому решению: Волошин-критик воспринимает французскую литературную культуру в контексте великой традиции литературы русской.

М. Волошину было хорошо известно, что Вилье де Лиль-Адан прочитал «Легенду о великом инквизиторе», переведенную на французский и опубликованную в журнале «Revue blanche», и, как указывает Т. Никольская, Волошин также знал и то, что Вилье де Лиль-Адану не понравилась трактовка темы «Легенды» Достоевским, и вследствие этого он сочинил собственную историю, воплотившуюся в трагедии «Аксель» (5 : 605).

Персонажи, которых сопоставляет Волошин – Архидиакон из «Акселя» и инквизитор из «Легенды о великом инквизиторе», – рассматриваются им как ключевые фигуры в сознании обоих авторов. Они, по мысли Волошина, выражают